

Ульчская легенда

Татьяна МЕЛЬНИК

ЛЕГЕНДАМИ И БАЙКАМИ полна земля наша Ульчия. Большая часть из них просто красивые сказки. Но есть и такие, о которых в народе говорят «Нет дыма без огня». Все жители, от мала до велика, сёл Богородское и Нижняя Гавань знают знаменитую легенду о том, что «не много лет тому назад» пришел в ночи по Амуру военный транспорт, из него выгрузили какие-то контейнеры, увезли на Геринский перевал и где-то там закопали. А случайным свидетелям, оказавшимся там, было сказано: «Вы ничего не видели и не слышали, иначе закопаем вместе с контейнерами». С тех пор и пошел слух о «дороге в никуда».

Наша инициативная группа под соответствующим названием «Сталкер» решила заняться поисками этой самой загадочной «дороги», ведь если то, что закопали, привезли тайком, значит, оно противоречит экологической безопасности и наверняка представляет угрозу для населения.

Сейчас на нашей планете разворачивается мощное общественное экологическое движение. В более цивилизованных странах люди давно поняли, что нет ничего дороже здоровья, а оно напрямую связано с качеством окружающей среды: чистый воздух, чистая вода, чистая земля. Теперь пришло время спохватиться и россиянам, особенно нам — дальневосточникам. Медицинская статистика не скрывает, что наш Ульчский район стоит на первом месте по Хабаровскому краю по онкологическим заболеваниям. У каждого второго жителя Богородского и близлежащих сел проблемы с щитовидной железой. Все знают, что в наших краях повышенный природный радиационный фон, но он всегда был таким, а рост числа тяжелых заболеваний начался только в последние десятилетия.

Наша легенда о «дороге в никуда» напрямую связана с проблемой защиты прав граждан на здоровую окружающую среду. Тема оказалась неординарной, и мы выиграли грант от ИСАР — Дальний Восток на поиски нашей «дороги». Ульчский комитет экологии и администрация Ульчского района активно поддержали нас. Глава администрации Виктор Иванович Колесняк сказал, что «пора развеять миф о «дороге в никуда». Как выяснилось, он тоже знаком с этой легендой, но официальных данных за последние 20 лет через администрацию не проходило. Не обнаружилось сведений ни в районной СЭС, ни в Комитете гражданской обороны. Сделали запрос в Госатомнадзор, но и там ответили, что такими данными не располагают. К началу экспедиции наша группа состояла из сотрудников метеостанции, а на станции есть оборудование, которым можно измерять уровень радиации. Так что мы взяли за поиски, вооружившись необходимым снаряжением, приборами и картой, которую нам подарили в Ульчском лесхозе.

Первая поездка на теперь уже «наш перевал», где находится эта призрачная дорога, увенчалась полной неудачей. В указанном квадрате оказалось великое множество дорог, и каждая вела в никуда. По плану работ нам предстояло еще измерить радиационный фон рек Гера и Пуцу, а также на выходах скальных пород. Весь обследованный квадрат показал превышение фона. Показания дозиметров сравнивались с данными метеостанции, т. к. это

единственная организация, которая ежедневно измеряет радиационный фон. На метеоплощадке фон обычно не превышает 15 мкР/ч. В отдельные дни бывает до 16 и даже 17 мкР/ч, а средняя величина фона составляет 12—14 мкР/ч. Все измерения проводились дозиметрами «Грач» и «Сосна». «Сосну» нам великодушно одолжили в Комитете гражданской обороны Ульчского района. Самый низкий фон составлял 20 мкР/ч, в районе р. Гера — 23 мкР/ч, реки Пуцу — 24 мкР/ч, каждый маленький ручеек и озерцо давали 29—30 мкР/ч. На дороге к перевалу методом непрерывных измерений мы обнаружили пятна, дающие фон 52 и даже 63 мкР/ч. Скальные выходы показали нам 35 мкР/ч. В самой Нижней Гавани фон составляет в среднем 20 мкР/ч. В процессе обшаривания с дозиметрами нашего перевала и его окрестностей мы по измерениям выделили одну «радиоактивную» долинку почти на вершине перевала. В любой ее точке фиксируется превышение радиационного фона — 42—62 мкР/ч.

Вернувшись в деревню, мы продолжили детальный опрос жителей. Несмотря на то, что пожилых охотников показали нам на карте одно и то же место, где, по преданиям, за одну ночь умудрились зарыть что-то секретное. Но им, в свою очередь, это место тоже показывали другие люди. Оказалось, что та самая долина, которую мы вычислили путем наших измерений, точно совпадает с тем местом, которое показали охотники. В ней мы и установили предупреждающие щиты с указанием дозы в микрорентгенах в час. Но фон повышен на достаточно большой площади. Захоронение не может быть порядка нескольких гектаров, тем более если оно сделано за одну ночь. Что-то здесь не так... Решено было добраться до якобы секретной карты радиационного фона Хабаровского края, которая есть в Хабаровске в краевом фонде экологии. Добралась... Карта оказалась мелкомасштабной, и фон на ней указан только радоновый. Но даже на этой карте было видно, что район Нижней Гавани и Богородского, а также знаменитые Анненские воды находятся в зоне максимального превышения.

Группа «Сталкер»

Собирались мы еще найти следы геологической экспедиции, работавшей в нашем районе в начале перестройки. Но совершенно неожиданно в этом же комитете экологии, который теперь называется «Радон», мы нашли, как нам кажется, корни нашей знаменитой легенды. Понятно, что «земля слухами полнится», но такая красочная легенда, которую знают все, от мала до велика, с мельчайшими подробностями про транспорт, пришедший по Амуру, не может возникнуть на пустом месте. Тут-то и вспомнили, что была «одна некрасивая история», которая кое-кому обошлась очень дорого. И произошла она ровно 12 лет назад. Нас отправили в лабораторию к одному веселому бородатому ученому, который был участником этой эпопеи. Он нам и поведал, что 12 лет назад некий товарищ по фамилии Димин, который имел доступ к дозиметрам, но совершенно не умел ими пользоваться, отправился в отпуск к себе на родину, прихватив один такой неисправный прибор. А родом он был из поселка Нигирь, стоявшего на побережье Татарского пролива недалеко от мыса Ла-

Установка предупреждающих щитов

зарева. Прошелся он с этим неверенным дозиметром по своей деревеньке и ее окрестностям, что-то намерил и решил, что это смертельная доза радиации. Перепугал всех односельчан, уверяя, что кто-то что-то радиоактивное тайком привез к ним в деревню и зарыл. И, не долго думая, написал письма Ишаеву и Ельцину с просьбой разобраться в этом безобразии и избавить их от радиоактивного могильника. Неизвестно каким образом, но эти письма умудрились дойти до адресатов. Была создана правительственная комиссия, разразился большой скандал, многие лишились своих постов. А наш собеседник был отправлен на «место происшествия», чтобы детально все выяснить. Он тоже взял дозиметр, но только поверенный, и приехал в Нигирь. Измерил фон, взял пробы грунта, опломбировал их в местной СЭС в присутствии понятых и повез все это в город. Прихватил с собой и товарища Димина, чтобы спектральный анализ проб делать в его присутствии. Ехали через Богородское, как туда, так и обратно. Было межсезонье, и им пришлось «штурмовать» в нашей деревне какое-то время. Тут, возможно, и произошла утечка информации. По приезде в город в лаборатории он сделал спектральный анализ грунта, проанализировал показания дозиметра, при этом господин Димин, по его словам, испугавшись содеянного, позорно бежал из их организации, не дожидаясь результатов. Как потом выяснилось, он состоял на учете у психиатра...

А ученый, сопоставив геологические карты и данные своих исследований, сделал вывод, что там, скорее всего, недалеко от поверхности проходит урановая жила, которая промышленного интереса не представляет, но превышение радиационного фона дает. При этом он сказал нам, что сомнительно, чтобы в такую даль везли радиоактивные отходы (он бы точно не повез). Если бы кому-то понадобилось захоронить что-то, это просто сбросили бы в Амур (может быть, так и делали) или закопали где-нибудь поближе. Места у нас достаточно глухие, и нет никакого смысла тащиться на перевал, можно зарыть прямо там, где стоишь. То есть он полностью отрицает существование какого-либо могильника. Посоветовал обратить внимание на природный радиационный фон и заняться разработкой методов выживания.

Захороненный ядерный реактор нейтрализовать проще: его можно выкопать и увезти. От природного же фона никуда не денешься. А к тому, что в последние годы отмечается всплеск онкологических заболеваний и возникают проблемы с щитовидной железой, мы шли давно и теперь, кажется, пришли. Наш иммунный иммунитет более не в состоянии противостоять нашествию неблагоприятных факторов среды. И пока наша страна пытается просто выжить в новом мире, никому нет особого дела до экологических проблем.

Если уж от природного радиационного фона деваться некуда, то можно научиться с ним сосуществовать. Еще не совсем забыт опыт наших далеких предков, которые знали, возможно от шаманов, об опасном влиянии радиоактивного фона. У малых народов Нижнего Амура существовала определенная диета, зависящая от сезонов года. Какие-то растения употреблялись ими в пищу как профилактические средства. На некоторые виды, наоборот, накладывалось табу. Чем-то это напоминает христианские посты. Если не терять времени и заняться «раскопками» этого бесценного багажа с последующим проведением научно-медицинских исследований, — мы спасены.

Таким образом, в результате наших исследований нам пришлось прийти к выводу, что «дорога в никуда» действительно всего-навсего легенда, сложившаяся из слухов, отголосков каких-то похожих историй. Провели мы собрание жителей с. Нижняя Гавань. Рассказали им о величине радиационного фона в самом поселке, о предупреждающих щитах и что они означают. Самое интересное, что, когда мы развенчали легенду, нас не поддержали. Никто из присутствующих лично не видел, как закапывали, но в захоронение все свято верят, как в местный идола. Тем не менее на этом сходе ни один житель села не встал и не сказал, что «да, я видел».

Написали мы статью о наших поисках под звучным названием «Ульчская Атлантида», напечатали ее в районной газете «Амурский маяк». Она получилась достаточно большая, ее разместили в двух номерах. После опубликования первой половины статьи к нам на метеостанцию пришел пожилой мужчина, даже скорее дед с седой бородой, и сказал, что сам видел, как на геринском перевале что-то зарывали ночью, что помнит место и может его нам показать в любое время. Взяли мы этого старичка и поехали опять на наш перевал. Дорога эта зимой заброшена и практически непроходима. Машину оставили на трассе, а сами пошли пешком, и Иван Петрович — так звали деда — рассказал нам свою историю.

Был у него друг, с которым они вместе рыбачили и охотились, и друг этот не ладил с властью, воз-

можно потому, что слишком много про нее знал (это происходило во времена райкомов и исполкомов). И вот однажды вернулся он из какой-то поездки в Хабаровск и сказал Петровичу, что в Ульчский район привезут закапывать какие-то отходы. Стояло начало осени. Поехали друзья на выходные отдохнуть в Анненские воды, возвращались, по словам Ивана Петровича, часа в 3 ночи. Тут-то и увидели в стороне от трассы, метрах в трехстах, «маленький город» из техники, людей и света. Света было столько — будто днем. Оставили Петрович с другом машину на обочине, а сами подошли поближе. Люди все там оказались чужие, работала техника, которая бьет шурфы на большую глубину. Техника тоже не местная. Две машины с длинными кузовами, по виду военные, перегораживали дорогу поперек. Петрович говорит еще, что эти люди кого-то выгоняли из той зоны, но кого — увидеть не удалось. Вот отсюда и пошел слух, что пообещали закопать вместе с контейнерами. Контейнеров больших не наблюдалось — в шурфы сбросили какие-то капсулы. Заровняли и исчезли. Через год наш очевидец случайно оказался в тех краях и специально свернул на то место посмотреть, но никаких следов не увидел. Все было сделано очень аккуратно. Даже деревья рядом остались не поврежденными. А дорога, на которой зарыли этот «клад», построена якобы не нашими людьми, и это уж после ее стали использовать для вывозки леса с лесозаготовок. (Лесхоз, однако, уверяет, что это его дорога.)

Мы в недоумении: ведь и проходчики, и лесники, с которыми мы разговаривали и которые всю свою жизнь провели в наших краях, в один голос заявляют, мол, ерунда все это и бабушкины сказки. Но Петрович стоял на своем: раньше было принято брать расписку о неразглашении — вот люди до сих пор и боятся. Здесь он наверняка прав. Мы припомним несколько случаев, когда нас потихоньку отправляли к различным людям и говорили, что они точно что-то знают, но те пугались и утверждали обратное, а больше всего интересовались, кто нас послал. Наш Петрович заявил, что он никого не боится, ничего не скрывает, но тем не менее сам появился у нас после публикации. Народ же еще побаивается.

Наконец пришли на место. С одной стороны — резкий спуск вниз. С другой — сразу подъем. Зарыть можно только на дороге, что, скорее всего, и сделали. Стали измерять радиационный фон. Он оказался 15—16 мкР/ч. Без резких скачков. Можно даже сказать, что для наших мест нормальный. Весной, когда растает снег, мы поставим там столб с какой-нибудь художественной надписью типа «Внимание, вы стоите на дороге в никуда, под вами находится захоронение неизвестной этиологии».

После этой поездки мы еще раз обращались в Госатомнадзор. Нам сказали, что о радиоактивных отходах в Ульчском районе у них данных нет. Подтвердили также, что существуют еще секретные архивы прошлых лет, но доступа к ним практически нет. Сказали, что если бы были данные о конкретном захоронении, то они могли бы заняться этим делом. Может быть, там какие-то химические отходы, которые и фона нам не дадут.

Пока мы с Петровичем ходили на экскурсию, на «дороге в никуда» произошел интересный случай, почему мы и решили, что все-таки работа сделана не зря, что-то да отложилось в душах наших односельчан. Остался шофер в машине на перевале нас дожидаться. А он человек не местный, незнакомый

в наших краях. Тут едет по трассе милицейская машина из Богородского. Останавливается, и шофера спрашивают:

— Что вы тут делаете?

— Стою...

— А вы разве местную газету не читаете?

— Не читаю, я не местный.

— Здесь нельзя останавливаться — радиация высокая.

Наш Иваныч говорит:

— Да я не один, я с метеорологами.

— А, ну если с метеорологами, тогда ладно... — и уехали.

Мы посмеялись потом над контекстом: «с метеорологами — тогда ладно, они все равно уже почти покойники».

Отрадно, что все-таки людей мы как-то расшевелили.

Вот так и закончилась наша эпопея по поиску «дороги в никуда». Радиоактивной опасности на сегодняшний день на этом месте нет. Будем надеять-

На реке Гера тоже повышенный радиационный фон

ся, что никогда и не будет. Имеет смысл, конечно, раз в год приезжать и замерять фон. Ничего нет вечного, особенно контейнеров с отходами. И весной столбик с надписью на этом месте мы обязательно поставим. Просто для души.

Наша группа «Сталкер» в будущем собирается заняться проблемой победы над природным радиационным фоном. Это гораздо серьезней. Только мы придумаем себе другое имя, потому что «Сталкер» — смертник. Это, будем надеяться, прошлое. Возможно, к нам присоединятся этнографы и просто люди, которые хотят помочь нашей цивилизации выстоять. А, как известно, «планета начинается с меня».

Благодаря проделанной работе, мы приобрели знания по экологии, опыт работы с радиационным фоном, нашли единомышленников среди местного населения, и надо заметить, что их немало. Жители наших сел тоже переживают за гибнущий Амур, горящие и вырубющиеся леса, больных наших детей. Но в силу устоявшегося с советских времен стереотипа, что общественность ничего реально сделать не может, кроме как нажить себе неприятности, большинство переживает в одиночку. Один, как известно, в поле не воин. Они бы и рады пойти под экологические знамена, но таких пока, увы, нет. Мы надеемся, что наш проект станет первым шагом для объединения людей, которым не безразлично будущее наших детей.